

✓ ЛА -
СТАЛЬНИЙ ЗАД

ПЯТНИЦА,

8

СЕНТЯБРЯ

1978 г.

№ 36 (816)

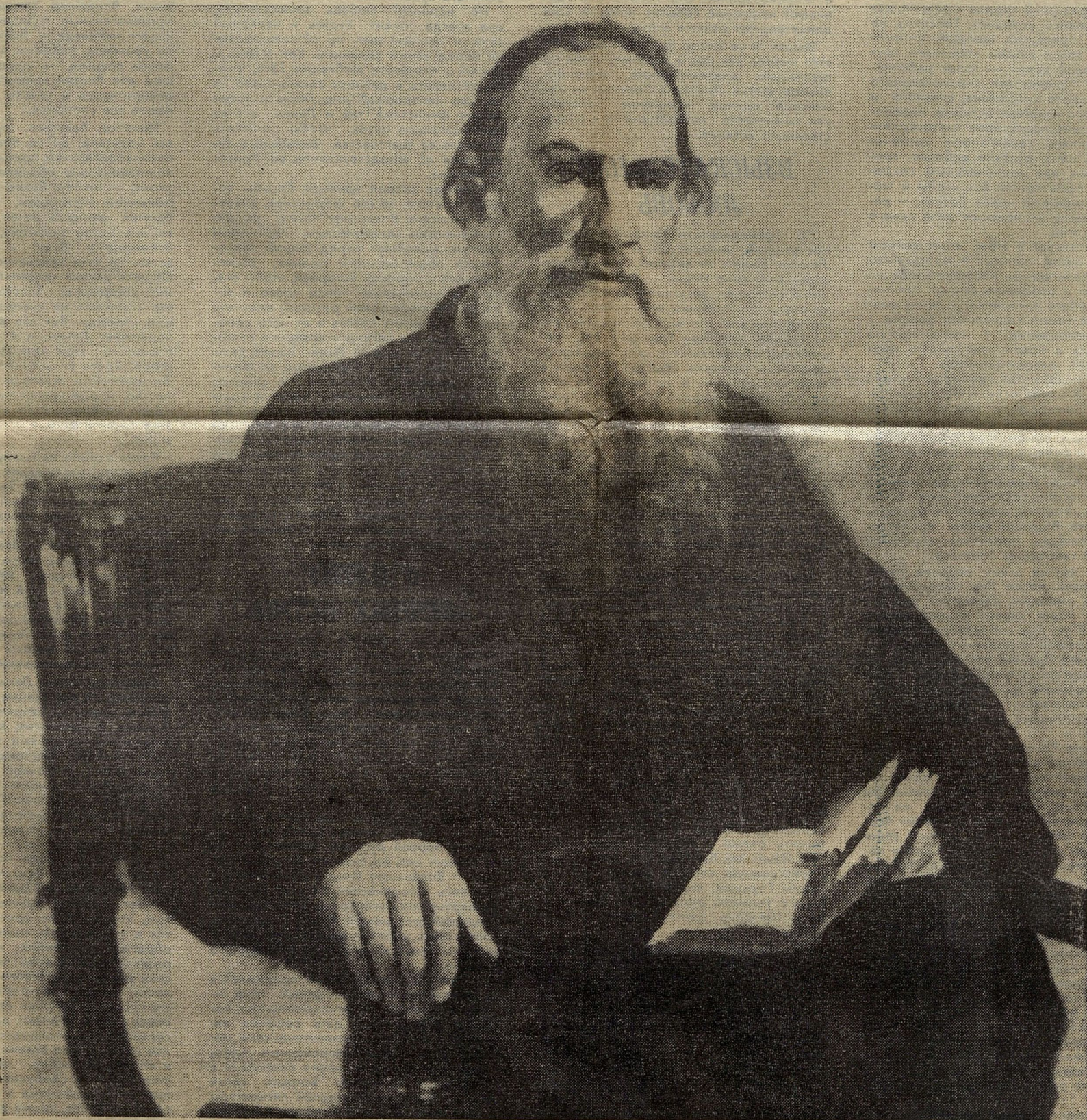
Цена 12 коп.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ 21-й

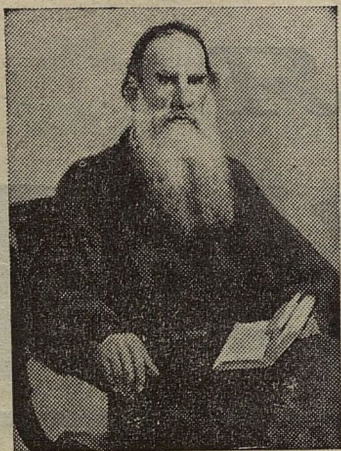
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литературная РОССИЯ

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Портрет работы И. Е. РЕПИНА

Валентин ЧИКИН

ЗЕРКАЛО ЭПОХИ

В. И. ЛЕНИН О А. Н. ТОЛСТОМ

ДВА ГЕНИЯ

Среди признаний сердца и разума, которые довелось услышать Толстому на заре века, прозвучал твердый, оптимистический голос людей «тяжелого труда и тяжелой доли» — голос рабочих-балтийцев. Приветствуя «национального гения, великого художника, славного и неутомимого искателя истины», передовые питерские пролетарии чистосердечно объяснялись гениальному соотечественнику: «Мы, русские рабочие, гордимся Вами, как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России — рабочему классу — природа дала своего Льва Толстого».

Знаменательно! В этом естественном всплеске чувств, простых и мудрых помыслов пролетарский инстинкт соединил все сущее: и осознание вечных ценностей народного достоинства, и явное размежевание целей социальной борьбы с идеалом толстовства, и настоящую потребность в подлинном учителе жизни — вожде революционеров.

...Той осенью, когда семнадцатилетний Владимир Ульянов переступил порог Казанского университета, Лев Николаевич Толстой, тоже в свое время оказавшийся неродным сыном этой альма матер, подойдет к рубежу своего шестидесятилетия. Он уже знаменитый автор «Войны и мира», «Анны Карениной», признанный русский классик, создавший уже большую часть своей гениальной литературы. Конечно же, будущий вождь пролетарской революции проявляет огромный интерес к творчеству Толстого.

И была другая осень, поздняя, сумеречная осень, когда Лев Николаевич в душевном смятении последний раз переступает порог своей яснополянской обители. В те дни сорокалетний Ленин, страдая думами о родине в безрадостном для него Париже, как вдохновенный зодчий, тщательно прорисовывает проект нового мира; как неустанный собиратель, спланирует силы будущих созидателей, расчищает путь революции социализма.

Два гения России, посвятившие себя поборничеству за народное счастье, несколько десятилетий прошли в одной исторической полосе. Кажется, почему бы им в зрелые годы не сойтись, не соединить усилий? Скажем, не сделал первого шага старший из них — он в зените мировой славы, в видениях своих последних творений, в пасторских заботах о голодающих и обездоленных, в пререканиях с царским домом... Может, такой шаг сделать Ленину?.. Сколько благоприятных обстоятельств! В свое время с Толстым переписывалась Надежда Константиновна — ее увлекла идея народных изданий. К моменту возвращения из шушенской ссылки состоялась встреча Толстого с Горьким, и яснополянскому мудрецу явно понравился этот «настоящий человек из народа». Преданный партийный товарищ Елена Стасова — племянница знаменитого критика и искусствоведа В. В. Стасова, дружба с которым очень дорожил Лев Николаевич...

И все-таки личного общения не состоялось. И, очевидно, не могло состояться. Двое великих, так страстно желающих

приблизить свой народ к идеалу счастья, видят разные пути к нему. Их разделяет мировоззрение. Они по-разному оценивают ключевые события истории. Они олицетворяют разные эпохи.

Значит, и не могло быть единения? На этот вопрос как раз и отвечают страстно партийные, диалектические, концептуальные статьи Ленина о Толстом — ленинское единое понимание Толстого как гигантского литературного и общественного явления.

ВЫСКАТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

По справедливости Толстой считается постоянным литературным спутником Ленина. Никем из великих художников слова Владимир Ильич не был так увлечен и поглощен, ни к кому не относился со столь пристальным вниманием, никому не посвящал столько ценнейших своих трудов, как Льву Толстому. Все толстовское, выходящее в свет, подтверждают исследователи, «быстро попадало в поле его зрения». В эмиграции он мог, по образному выражению Н. К. Крупской, чуть ли не в сотый раз перечитывать разрозненный томик «Анны Карениной», до боли душевной переживать на спектакле драму Протасова в «Живом трупе». При первой же возможности держать при себе библиотечку он ставит на ближайшую полку томик Толстого. На стеллажах в кремлевской квартире собрался целый ряд толстовских изданий и обширная литература толстоведов.

Наблюдательный Горький, отлично знавший воинственное ленинское неприятие реакционного толстовства, открывает нам в Ленине восхищенного читателя. Застав однажды Владимира Ильича с томом «Войны и мира» на рабочем столе, он слышит его взволнованное объяснение: да, Толстой!.. Захотелось перечитать сцену охоты. А на чтение, мол, совершенно не остается времени. Но сегодня ночью не мог оторваться от горьковского повествования о Толстом. «Улыбаясь, прижимая глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал: — Какая глыба, а? Какой матерый человечек! Вот это, батенька, художник...» Он совершенно убежден: в Европе некого поставить рядом с Толстым. Этим Владимир Ильич как бы возводит в еще более превосходную степень оценку, данную самим Горьким, видевшим русского титана в великом ряду людей, «чьи имена — Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гёте».

Да писательское чародейство Толстого захватывает всецело. Читательскому восприятию Владимира Ильича импонирует все — и панорамный взгляд на историческое действо, осязательность мгновений; и редчайшее собрание характеров, скульптурно отточенных, согретых теплом жизни; и естественная борьба страстей, безупречная работа всех дружин действия; и глубинное проникновение в суть психологического процесса, редчайшее понимание диалектики души; и чистота нравственного чувства — все, что составляет особое преимущество

толстовского повествования, все, что рождает истинную любовь к искусству великого художника.

Но истинная любовь взыскательна, она всегда смеет судить и неверный звук, и ложный шаг, не останавливаясь ни перед каким величием. Как Маркс и Энгельс, пламенно любившие Гёте, умели разделить в деяниях величайшего из немцев непокорный мир гения и узкий мирок филистера, так и Ленин всегда пронзительно чуток, чтобы отличить Толстого от толстовства, гениального художника от юродствующего во Христе помещика.

В разгар острой идейной борьбы вокруг Толстого, за его творческое, духовное наследие Владимир Ильич, движимый высоким человеческим, партийным долгом, выступает перед лицом различного общественного мнения, отечественной и мировой истории, чтобы сказать принципиально новое слово о великом писателе земли русской, защитить его от всяческих врагов и от него самого, от опасных легенд и коварной святоши. Одну за другой Ленин пишет семь статей, выступает с рефератом во Франции, Германии, собирается «в объезд» по Швейцарии; намерен «еще и еще» возвращаться к толстовской теме. Он продвигает глубочайший анализ творчества и мировоззрения писателя, впервые в марксистской критике открывает революционную сущность толстовского обличения, решающим образом определяет судьбу великого наследия и демонстрирует высший образец применения коммунистического, партийного метода в литературоведении.

В ПЛЕНУ «ВЕЧНЫХ ИСТИН»

Ленинское открытие Толстого — не экспромт, не случай гениального озарения; это — результат фундаментального исследования всесторонних, объективных оценок. Ко времени написания первой и основополагающей статьи «Лев Толстой, как зеркало русской революции» Владимир Ильич заново перечитывает Чернышевского, тщательно вывешивает взгляд на Толстого классической публицистики и критики, целиком основывается на ее благотворных традициях.

К этому времени складывается обширный ленинский анализ принципиальных уроков первой русской революции, ее движущих сил, ее сильных и слабых сторон — Владимиру Ильичу отчетливо виден весь исторический фон, на котором разворачивается «генеральная репетиция» грядущей решающей битвы, ему легко сопоставить картины действительности и картины толстовского художественного полотна.

В этот же период Ленин принимается за капитальный философский труд — «Материализм и эмпириокритицизм», который должен был дать решение актуальных вопросов диалектического материализма. Сформулированные здесь принципы теории познания позволяли с предельной точностью вскрыть связи идей и образов толстовской литературы с реальной действительностью, установить степень отражения жизненных реальностей.

Все это в совокупности и приводит Ленина к открытию, дает ему основание для озабоченно парадоксального сопоставления: Толстой и революция, которой Толстой не понял. Но оразил! Как зеркало! Толстой сознает: старый строй «противоречит сознанию общества»; он не может быть «исправлен»; его «нужно весь, с самого низа, перестроить». События 1905 года совершаются, по его мнению, «с необыкновенной быстротой и правильностью». «Быть недовольным тем, что творится, — говорит он В. В. Стасову, — все равно, что быть недовольным осенью и зимою, не думая о той весне, к которой они нас приближают». И все-таки он революции не понял, не видел ее реальной перспективы. В образе его мыслей и чувств отразились и все недостатки крестьянской революционности.

Ленин видит Толстого человеческой глыбой в глубоком раздумье у полувекового перевала русской истории, отмеченного веками падения крепостничества и революционным прологом пятого года. Даже в словах и поступках любимых толстовских героев угадывается состояние духа яснополянского мудреца, терпеливо взвешивающего изменяющийся мир. Перечитывая «Анну Каренину», Владимир Ильич вдруг слышит знаменательные суждения хозяйствующего человека — Левина, озабоченного урожаем, наймами и прочими «низкими» вещами, — суждения о важнейшем для России вопросе: у нас все переломилось и только укладывается, и как-то все уложится...

Понятно, Толстого пугает грядущая явь капитала; он не приемлет ни его производительных преимуществ — даже политэкономия объявляет «мнимой наукой», — ни тем более его морали, пораженной чистогоном. Он защищается броней «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, апеллирует ко Всемирному Духу; и вообще готов встать на пути человеческого прогресса. Общего закона человеческого движения нет, утверждает Толстой, аргументируя это ссылками на «неподвижные восточные народы». Вот как раз толстовщина, подмечает Ленин, и есть реальное воплощение этой идеологии восточного строя. Здесь весь букет толстовских заблуждений: и аскетизм, и непротивленчество, и противопоставление веры в «Дух» материальному «ничто», и неприятие эмансипации, и откровенный пессимизм...

Такая идеология проявляет себя именно в эпоху, рассуждает далее Владимир Ильич в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха», «когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, каков «укладывающийся» новый строй, какие общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки».

Владимир Ильич Ленин подчеркивает толстовщину как учение — не индивидуальное нечто, не каприз или оригинальничанье, а идеология, рожденная определенными условиями жизни. Социальный приговор толстовщине, историческую грань «восточной неподвижности» определяют баррикады пятого года.

Толстовскую утопию Ленин характеризует как реакционную по своему содержанию. «Но отсюда вовсе не следует, — тут же добавляет он, — ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов...» Владимир Ильич напоминает глубокое замечание Маркса о том, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому развитию». И в этом смысле критический заряд толстовского учения мог принести пользу некоторым социальным слоям, даже вопреки его реакционному содержанию. Однако дальнейшая консервация этих утопических идей, тем более идеализация всяких доктрин совести и всеобщей любви, призывов к нравственному самосовершенствованию, проповеди аскетизма и квиетизма, ничего не принесет, кроме вреда.

(Окончание на 10-й стр.)

«Мир. Россия», 1978, 8 сент.

ЗЕРКАЛО ЭПОХИ

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

ДИАЛЕКТИКА ЕДИНОГО ЦЕЛОГО

А сколько, однако, фальшивых цветов понатащила «раскисшая интеллигенция», сколько иллюзорных концепций нагромодили предприимчивые «поборники»! Одни подновляют легенду о «двух Толстых», настойчиво противопоставляя художника мыслителю, ограничивая свое признание гения рамками «отсюда и досюда». Другие же, наоборот, настаивают на признании *«всего»* Толстого — своей совестью... Он-де воплотил «в законченном виде основные aspirations и стремление к великой эпохе» и оказался, мол, «чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*».

Еще кто-то видит силу Толстого в том, что он прошел «через все ступени... разложения», «типичного» для образованного человека, и «сумел найти синтез...».

Неправда, возражает Владимир Ильич. Именно синтеза ни в философских основах своего мирозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее, не мог найти...

Доказывает Ленин и несостоятельность формулы «двух Толстых» — такое «расчленение», по его мысли, слишком упрощает взгляд на выдающееся явление искусства и общественно-политической мысли, каковым надо считать Толстого. Чтобы понять его, необходимо рассматривать целостно всю совокупность эстетических, философских и политических воззрений.

Да, Толстой един, отвечает Владимир Ильич апологетам «великого богостроителя» и «общечеловеческого идеологического начала», но не из единого, не из чистого и не из металла отлита его фигура. В его целостности — кричащие противоречия. Их-то и надо исследовать! И реалистически сопоставить, но не с психическим своеобразием личности, а с противоречиями самой действитель-

сти. Тогда и обрисуеться истинное значение и роль Толстого на сцене российской и человеческой истории. Вот как у Ленина замыкаются диалектические пары — противоречия в толстовских произведениях, взглядах, учениях, в его школе:

С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы, —

с другой стороны, помещик, юродствующий во Христе.

С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, —

с другой стороны, «толстолец», то есть истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самосовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками».

С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; —

с другой стороны, юродивая проповедь «непротивления злу» насилием.

С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; —

с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению, то есть культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины.

Само собой становится очевидным, что при таких противоречиях Толстой не мог понять ни подлинного характера рабочего движения, ни его социального

идеала, ни самой русской революции. Но эти толстовские противоречия, говорит Ленин, — не случайность, они — прямое отражение тех противоречивых условий, в которые была поставлена русская жизнь в последней трети девятнадцатого века.

КОМУ НАСЛЕДОВАТЬ?

Кого же защищает Ленин в Толстом от самого Толстого?

Великого художника-реалиста! Рисуя с глубочайшей правдивостью жизнь России на огромной исторической полосе от декабристов до Ленина, от Пушкина до Горького, он, по словам Владимира Ильича, «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе».

Ленин защищает в Толстом не только художника, но и мыслителя, критика, страстного обличителя, проповедника и протестанта... Он видит в нем, кстати, не только «богостроителя», но и «богоборца», восставшего против «святейшего» синода и всей церковной лжесвятости. «Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, с жандармами во Христе...» — это Ленин пишет в ноябре 1910 года. А через десяток лет, как бы продолжая свою мысль, он будет расспрашивать во дворе зимнего Кремля: а где это здесь церковники предавали анафеме Толстого когда отлучали его от церкви? И, узнав, что негнбимый обличитель «был проклят» в Успенском соборе, не преминет заметить: здесь бы, у собора, и поставить памятник Толстому...

Ленин защищает гениально беспристрастного свидетеля истории. Многомерный художественный мир Толстого он воспринимает как **зеркало** революции, видит в нем не только общесторическую правду, не только развитие основных социальных процессов, но и живой лик революции: «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, полити-

ческой невоспитанности, революционной мягкотелости».

Когда В. И. Ленин на далекой чужбине посвящает Толстому свое высокое слово памяти, он с горечью вынужден признать, что великий художник, даже у себя на родине, известен едва лишь ничтожному меньшинству читателей. «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием **всех**, нужна борьба и борьба... нужен социалистический переворот». Так сразу же решительно и безоговорочно ставится вопрос о наследстве и путях его обретения: Толстой — достояние общенародное; и всеобщим достоянием его сделает пролетариат. Следует заметить, кстати, что в первый же год Советской власти В. И. Ленин выдвигает идею широкого издания классиков литературы, «Толстого в первую очередь»; и принимает активное участие в разработке программы 90-томного собрания его сочинений.

Уже в памятном слове Владимир Ильич формулирует критерии истинного постижения духовных и художественных ценностей русского гения, он обоснует: правильная оценка Толстого возможна только с позиции того класса, который стал вождем в революционном преодолении кричащих противоречий действительности, — с позиции социалистического пролетариата. Чуть позже он специально напишет статью «Толстой и пролетарская борьба», где объяснит, чему и как должен учиться рабочий класс у Толстого, как объективно содействует его творчество реальному успеху социальной борьбы.

В богатейшем наследстве Толстого что-то выражает его предрассудок, но безмерны — ценности разума, интеллекта, духа; что-то уже принадлежит прошлому, но основное достояние — будущему!

Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат, — говорит Ленин. — Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности... Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждый шаг своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились плачеваться в единую миллионную армию социалистических борцов...

Так и происходит слияние толстовского течения с пролетарским потоком; так и происходит единение в борьбе двух русских гениев.

М. И. Родина, 1978, 8 сент.

225